

КНИГА вошла в жизнь поэта так рано, что его биографы затрудняются определить это время. Сохранился полный достоверных деталей рассказ М. Ф. Яшовского о том, как мальчиком Тарас любил на сельских ярмарках рыться «в книжных развалах». В местечке Голоскове (над Бугом, ныне — Кривоzerского района Одесской области), оказавшись на «торговице, где было много-много телег, лошадей и быков, он прежде всего принялся искать, где торгуют книжками. Я заметил, — вспоминает Яшовский, — что мальчик внимательно осматривается вокруг, словно кого-то разыскивает, а затем вдруг воскликнул: «Вот он где!». И мы подошли под стену одного дома, и я там увидел растеленную под стеной большую белую плаху (простыню), а на этой плахе книжник раскладывал рядыми свои книги».

Вряд ли тогда Тарас покупал книжки. Но доподлинно известно, что он сам изготовлял их. Вспоминая, как ему доводилось «змалку виршувать» (сочинять стихи мальчиком), Шевченко сравнивал это с тем, как, нарушая царский запрет писать и рисовать, сшивал рукописные тетради в Орской крепости.

Читал постоянно и вопреки угрозам телесного наказания за это увлечение. Так было у дядня в Кирилловке. Так было в Петербурге у Ширяева, у которого гениальный юноша состоял в подмастерьях. Так было до того самого счастливого дня 22 апреля 1838 года, когда стараниями В. А. Жуковского, М. Ю. Вильгельмского и К. П. Брюллова Шевченко был выкуплен из крепостной неволи и стал студентом Академии художеств.

В автобиографической повести «Художник» он с гордостью напишет о себе — «одном из любимых учеников и товарищей великого Карла Брюллова». Можно с уверенностью сказать, что Шевченко прошел у Брюллова не только школу живописи, но и школу чтения. Историк Академии художеств Николай Рамазанов отмечает у Брюллова «страсть к чтению» вследствие «желания познакомиться с историей человечества».

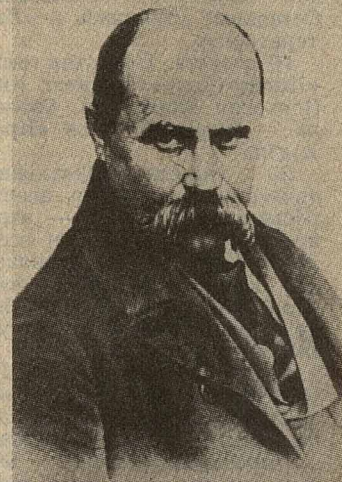
Эта страсть привела к образованию у художника замечательного книжного собрания. «Во время работы я читаю, — вспоминает Шевченко в повести «Художник», — у него (Брюллова. — Ю. М.) порядочная своя библиотека, но совершенно без всякого порядка. Несколько раз мы принимались дать ей какой-нибудь толк, но только все безуспешно. Впрочем, недостатка в чтении нет. Карл Павлович обещался Смирдину сделать рисунок для его «Ста литераторов», и он служил ему всею своею библиотекою. Я прочитал уже почти все романы Вальтера Скотта (в «Художнике», в частности, упоминаются — «Вудсток», «Замок Кенильурта», «Пертская красавица», «Антиквариат». — Ю. М.), теперь читаю «Историю крестовых походов» Мишо. Мне она нравится лучше всех романов, и Карл Павлович то же говорит».

Книги нужны были Брюлову для творчества. Он требовал от учеников тщательного изучения всей литературы, относящейся к избранному сюжету, и сам подавал пример такому изучению: «Чтение Вальтера Скотта, Шиллера, Шекспира, Державина, Пушкина, — свидетельствует современник, — наконец, исторических авторов, каковы Гельвеций, Ранке, Нибуэр и других, составляло его наслаждение и в них он почерпал новые освежительные силы к созданию. Часто Карл Павлович останавли-

вал читавшего ему ученика и объяснял красоту сочинения... Жажда познания была равна в нем силе самого творчества... Нельзя забыть, как этот художник, уже завладевший европейской славою, занимал скромное место на скамье между студентами Петербургского университета». Рядом с великим Карлом среди универсентов и студентов-академистов был и Шевченко.

Уроки Брюллова были восприняты не только Шевченко-художником, но и Шевченко-поэтом. Исследователи его «Гайдамаков» показали, как велики книжные богатства, переработанные «в свое» при подготовке этой поэмы революционного гнева.

Наряду с огромным пластом народных сказаний Шевченко привлек обширный печатный материал по истории Украины и Польши, изучил историко-беллетристические произведения польских писа-

телей. Помимо «Истории русов», сочинений Бантыш-Каменского, Шульгина, энциклопедического словаря Плюшара, он использовал и рукописное «Сказание про Колыванчину» М. Максимовича, беллетристические произведения многих польских романтиков.

Такова была творческая лаборатория «Гайдамаков». Но подобное же можно сказать и о творческой истории таких свершений Шевченко, как поэмы «Сон», «Кавказ», и «Еретик». И о работе над историческими сюжетами в живописи и графике.

Потому-то творения Шевченко «безукоризненны в смысле достоверности малейшей исторической детали, — отмечала М. С. Шагинян. — ...Никто и никогда не бросал упрека Шевченко в какой-нибудь неверности положения или аксессуара его многочисленных работ. Но это — результат огромного труда, добросовестнейшего изучения истории, фольклора, тщательного, любовного собрания знаний».

Без малого сто сорок лет тому назад паризм расправился с Кирилло-Мефодиевским обществом — одной из крупнейших тайных политических организаций 1840-х годов, участником которой был и Шевченко. Его революционная поэзия была признана особо опасной, и безжалостный приговор гласил — в солдаты с запрещением писать и рисовать. Читать не запретили, но фактически без чтения оставили.

«Сдохну без книжек...» — это в письме от 22 апреля 1848 года из Орской крепости. «Пишите ко мне и присылайте книги», — умоляет он В. Н. Репнину. А вслед за ней и О. М. Бодянского, С. С. Гулак-Артемовского, А. О. Казачковского, А. И. Лизогуба, М. М. Лазаревского.

Письма поэта позволяют составить перечень книг, о которых он упоминает особенно часто и настойчиво. Это М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Гомер. «Слово о полку Игореве».

Ссылный поэт не расставался с книгой ни в казармах Орского линейного ба-

тальона, ни на гауптвахтах Мангышлака, ни в трюмах шхуны «Константин», в экипаже которой он по приглашению замечательного русского исследователя Каспийского моря А. И. Бутакова был рисовальщиком, ни в каюте парохода «Князь Дмитрий Пожарский», на котором возвращался в 1857 году из ссылки.

Именно там, в паровой каюте, и родилась знаменитая запись Шевченко при первом чтении «Полярной звезды»:

«Как бы хорошо было если бы выбить медаль... С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью: «Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне — портрет неудобобываемого Тормоза с надписью: «Не первый русский коронованный палач».

Тормозом по-герценовски назван император Николай I.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Можно с уверенностью сказать, что сведения о читательских интересах ссыльного Шевченко выявлены далеко не полностью. «Пондер-жись немного узника ради, — писал Шевченко 15 декабря 1852 года замечательному русскому слависту О. М. Бодянскому, изгнанному за прогрессивность убеждений из Московского университета, — и пришли мне летопись Конисского (т. е. «Историю русов». — Ю. М.) или Величко (С. Величко, «Летопись событий в Юго-Западной России в XVIII веке». — Ю. М.), великое скажу тебе спасибо».

Полученный от Бодянского экземпляр «Истории русов» сохранился в личной библиотеке поэта. Что же до «Летописи» Величко, то ее в библиотеке Бодянского не оказалось. Однако ученый не забыл о просьбе поэта, и вот 30 июня 1854 года он пишет известному историку М. Погодину: «Автор «Кобзаря» и «Гайдамак», теперь в Новопетровском укреплении на полуострове Мангышлак, лицом к Туркестану, обращается к Вам через меня с покорнейшей просьбой, не пожалуйте ли Вы ему Величко Летописи о Малороссии. Будет Вам угодно это сделать, то через 2—3 дня я пришлю за экземпляром ее в Вашу контору и поспешу отправить по принадлежности, с одним Уральским офицером, который едет в Гурьев городок, оттуда на Мангышлак».

Сверху письма, хранящегося в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, рукой Погодина написано: «Выдать 1 и 2 т. Величко и вручить прилагаемую записку». Так, во времена, когда, по словам кирилло-мефодиевца Василия Белозерского, «все находилось под таким страхом и трепетом, что и помышлять не смели о переписке с Шевченко», была вписана яркая строка в летопись русско-украинских научных связей, одновременно обогатившая и тему «Шевченко-читатель».

Эта тема, несомненно, открывает новые грани творческого гения великого Кобзаря. Ведь многие поэтические шедевры были ничем иным, как читательскими откликами Тараса Григорьевича, своеобразными заметка-

ми на полях прочитанных им книг. Иные из них обретали силу революционных прокламаций. Так было с поэтическим откликом на книгу монархиста А. А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в 1733—1768 гг.».

Как и пристало ответственному чиновнику николаевского министерства, автор «Наездов гайдамак...» весь пафос своего сочинения сосредоточил на том, чтобы доказать независимость гайдамацкого движения от социально-экономических причин. Признавая, что гайдамаки действовали при поддержке крестьян, «защищаемые чернью, видевшей в них любимых своих витязей и заступников», Скальковский уподобляет их «хищным зверям», называет их людьми преступными и жестокими, «бродягами», «пьяницами», «колдуньями», наконец — извергами и убийцами.

еще меньше того? Ошибочное суждение, кричащее разошедшееся с фактами! Откуда оно? Не оттого ли, что между революционным демократом Шевченко и убежденным либералом Тургеневым в пору их мимолетного общения не было близости?

Да, именно либералы называли Шевченко в лучшем случае «гениальным дикарем». Они на все лады высказывали скепсис в отношении его подготовленности, образованности, в отношении его интеллигентности. А он с высоты ошеломляющей эрудиции дал столь яркие оценки крупнейшим явлениям в современном ему литературном движении, что мимо них не пройдет ни современный читатель, ни современный исследователь.

Они пытались третировать его за «интеллектуальную ограниченность», а он при жизни оказывал решающее, формирующее влияние на мировоззрение крупнейших современных прогрессивных писателей и ученых. Оказывал потому, что и сам был воистину гениальным читателем.

Особо нужно сказать о Шевченко как о благодарном и проникательном читателе вольного русского слова.

В отношении Тараса Григорьевича к русской литературе запечатлелось чувство благодарности. Благодарности, укрепившейся в поэте постоянной памятью о том, кому он обязан вторым своим рождением — выкупом из неволи, тем, что попал в Академию художеств, в круг самых прогрессивных людей своего времени, в братство ратоборцев правды и справедливости.

Отсюда и шевченковские оценки декабристов как первых русских благовестителей свободы, отсюда и благоговейное отношение к Пушкину, которого, по свидетельству современника, Шевченко «знал на память», «бессмертному» Грибоедову, «великому ученику» Лермонтову, «великому» Гоголю.

«Я благоговейно перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью воздавалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!».

Это сказано им при чтении «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

И еще один его отзыв о книге. На этот раз об историческом исследовании Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий и возращение Южной Руси к России»: «Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениального бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулась вперед в продолжение последнего десятилетия. Она осветила подробности, закопченные дымом фимиамов, усердно кадимого перед порфирородными идолами».

Шевченковская страсть к книге, к чтению — выражение его страсти к истине. От литературы требовал он того, чему сам служил ревностно и вдохновенно — «истории-правды».

Юрий МАРГОЛИС,
доктор исторических наук,
профессор.

Ленинград.
Портрет Т. Г. Шевченко
— с фотографии 1859 г.
(Киев).

**МОЖНО ТАКЖЕ ПРО-
ЧЕСТЬ:**

Прйима Ф. Я. Шевченко
и русская литература XIX
века. М.—Л., 1961.

Марголис Ю. Д. Историче-
ские взгляды Т. Г. Шевчен-
ко. ЛГУ, 1983.